

Георгий Александрович Дмитриевский

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Совсем недавно Музей пополнился новыми материалами о жизни и деятельности выдающегося хорового дирижера, педагога, композитора, Народного артиста СССР, профессора Владислава Геннадиевича Соколова (1908—1993). Они поступили от поэта М. Р. Садовского, которого связывала с В. Г. Соколовым многолетняя творческая дружба, и вошли в уже имеющийся фонд В. Г. Соколова, переданный в дар музею по завещанию дирижера его племянником В. А. Соколовым. Среди новых поступлений обращают на себя внимание записи бесед М. Р. Садовского с В. Г. Соколовым 1981—1982 годов, во время которых В. Г. Соколов вспоминает о родителях, годах учебы, видных деятелях отечественной хоровой культуры.

Мы публикуем расшифрованный фрагмент магнитофонной записи, где В. Г. Соколов рассказывает о своем учителе Г. А. Дмитриевском (1900—1953), заслуженном деятеле искусств РСФСР, художественном руководителе Ленинградской академической хоровой капеллы имени М. И. Глинки, профессоре Московских и Ленинградских консерваторий, которому 22 марта этого года исполнилось бы 100 лет. Текст записи отредактирован и литературно обработан для публикации.

был очень импозантен. Но с первых же уроков мы ощутили в нем большого музыканта с огромными данными: абсолютный слух, великолепная память. Например, когда мы учились на первом курсе, сольфеджио вели В. П. Мухин и Г. А. Дмитриевский. Это очень важный вопрос, когда сольфеджио у хоровиков ведет хоровик. И Дмитриевский играл нам интересные диктанты. Однажды я спросил его: "Георгий Александрович, какой замечательный диктант. Где Вы его взяли?" — "Вы знаете, Владя, я его по дороге сочинил". Он еще к тому же рисовал. Я вот не умею, могу написать лишь профиль человека в левую сторону.

Дмитриевский никогда не стеснялся выражать свое мнение по тем или иным вопросам и студентам и коллегам. И они это знали. Например, он мог сказать Чеснокову прямо: "Признавая Вас гениальным хоровым исполнителем и теоретиком; я все же не согласен с тем, что Вы рассматриваете вопрос интонации в статике, вне зависимости от лада". Он был не то, чтобы строг, но вся его фигура, когда садился за рояль, подчиняла все: была полная тишина, полное внимание. О Дмитриевском я тогда написал стихотворение.

Его фигуры появление внушает страх и уважение, И лишь по пробой вполыхах, со смятой папкою в руках На хор явиться с опозданием: Ты пропадешь от глаз метанья. И на вопрос его: "Где бегал?", Прошепчет в страхе:

"Я обедал".

Георгий Александрович знал об этом сочинении и очень смеялся. В 1941 году, во время войны, часть преподавателей консерватории была эвакуирована в Саратов. Дмитриевский приехал туда консерваторским вагоном через Свердловск. Я же выехал позже, догнав их, но так и не смог догнать и прибыл в Саратов с опозданием на три недели, после

праздников. Дмитриевский с женой Клерой — чудесный, душевный человек — приняли меня и выделили мне угол в балетном репетитории оперного театра, где разместились консерваторцы. Потом взяли меня к себе, когда получили отдельную комнату в большом каменном доме, где я и прожил с ними все время эвакуации. Эта удивительная душевная доброта Дмитриевского проявилась и тогда, когда я познакомил его с моим отцом в Москве. В 1936 году у меня был дипломный концерт — я оказался первым выпускником по классу Дмитриевского. Специально на концерт приехали папа и мама. Мы шли вместе, и вдруг Мухин, обращаясь к Дмитриевскому, говорит: "Слушай, Георгий, подика сюда. Познакомься: это родители нашего Владика!" Представьте, они нашли с отцом общие темы для разговора, а потом переписывались, когда Дмитриевский был в Саратове и уже позже — в Ленинграде.

С самого начала творческой деятельности я увлеченно работал с детскими коллективами. У Дмитриевского такого тяготения не было. В Саратове я руководил детским хором Дворца пионеров. Хор был популярен, выступал и перед новобранцами. 17 февраля 1943 года меня вызвали в Москву, главным образом в Институт художественного воспитания, и, простившись с ребятами, я уехал. В марте получаю от Георгия Александровича письмо, в котором он пишет о занятиях и экзаменах в консерватории и сообщает, что взял руководство моим хором, но не потому, что хотел, а потому, что попросили в связи с правительственным концертом 8 марта. И далее пишет, что хор выступил с большим успехом и он сам получил удовольствие. Правда, ведущая объявила так: "Выступает детский хор Дворца пионеров. Художественный руководитель — доцент В. Г. Соколов. Дирижирует

— профессор Г. А. Дмитриевский.

В мае 1943 года Дмитриевский возвратился в Москву и в тот же год его назначили художественным руководителем Ленинградской академической хоровой капеллы имени М. И. Глинки. Капелла в то время находилась в эвакуации в Средней Азии, а обязанности руководителя исполняла Е. П. Кудрявцева, замечательный музыкант, воспитанница М. Г. Климова, ныне Народная артистка РСФСР, профессор. В 1944 году капелла возвратилась в Москву, и ко мне обратилась ее директор К. Н. Нухин, впоследствии — проректор по административно-хозяйственной части Московской консерватории. А у меня в то время был самый мрачный период жизни: я был директором Центральной музыкальной школы. Почет большой, оклад в триста рублей, паек, но я был молод и совершенно не готов к этой работе. Нухин пришел ко мне с просьбой помочь в размещении коллектива, и я устроил что-то вроде интерната. Потом были организованы гастроли по Волге. Дали пароход и капелла вместе с солистами — В. В. Барсовой и М. Д. Михайловым — совершила гастрольную поездку до Астрахани и обратно. Приехали они в конце лета или осенью, и мы торжественно проводили их в Ленинград. Уехал с ними и Дмитриевский. Надо сказать, что он там совершал великие дела. В 1946 году Дмитриевский приезжал в Москву с коллективом. Он привез акапельную программу, Реквием Г. Берлиоза и ораторию Ю. А. Шапорина "Битва за русскую землю".

Дмитриевский был коренной москвич, со всеми качествами человека, который любит свой город, знакомый ему с детства, и поэтому он стремился хотя бы раз в год побывать в Москве. По приезду мы встречались и у него в номере гостиницы "Москва", и у меня дома, и в консерватории, и я, как мне кажется, заме-

чал у него какую-то внутреннюю ностальгию...

2 декабря 1953 года Дмитриевский собрал любителей хорового пения в зале капеллы с желанием провести репетицию Реквиема Берлиоза на публике. Он обратился к собравшимся с небольшим вступительным словом, которое произносил великолепно. Репетиция проходила под рояль, за которым сидел его помощник Федор Козлов, сейчас заслуженный деятель искусств РСФСР, руководитель детского хора при капелле. Дмитриевский побеседовал, повернулся к хору, провел Requiem aeternam (Вечный покой). От дирижера в произведении Берлиоза требуется большое эмоциональное напряжение. Потом прозвучала Tuba mirum (Труба Предвечного). Перед следующим номером его спросили: "Георгий Александрович, может быть, сделаем перерыв?" Последовал ответ: "Нет". А дальше — Mors stupebit et natura, что переводится с латыни как: "Смерть и Природа остолебеют от этого ужасного призыва на Страшном Суде". Он поднимает руки, хор вступает и... Дмитриевский падает. Смерть наступила мгновенно. Вечером того же дня — звонок: "Слушай, Владик, Мухин говорит, Георгий скончался". — "Как?" Утром 3 декабря Хазанов, Мухин и я выехали в Ленинград...

Владимир СОРОКИН.
На снимках: Георгий Александрович Дмитриевский; Владислав Геннадиевич Соколов, с фотографии 1938 года.